

УДК – 340
ББК – 67

РОЖНОВ Артемий Анатольевич,
профессор кафедры «Теория и история государства и права»
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
roartan@mail.ru

12.00.01 – теория государства и права; история учений о праве и государстве

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ (ЭКОНОМИЧЕСКИЕ) ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ XVII ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются виды экономических преступлений, предусмотренных законодательными актами XVII в. Анализируются составы данной категории преступлений и спорные вопросы их характеристики.

Ключевые слова: законодательство XVII в., история уголовного права, экономические преступления, имущественные преступления, Уложение 1649 г.

ROZHNOV Artemy Anatolyevich,
professor of «Theory and History of State and Law» department
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
doctor of jurisprudence, associate professor
roartan@mail.ru

ECONOMIC AND PROPERTY CRIMES ACCORDING TO THE RUSSIAN LAW OF THE 17TH CENTURY

Summary. The article represents a description of different types of economic and property crimes according to the Russian law of the 17th century. The author reviews corpus delicti of these crimes and controversial aspects of its characteristics.

Keywords: Russian law of the 17th century, history of criminal law, economic crimes, property crimes, the Ulozhenie of 1649.

Весьма значительное место в системе преступлений, предусмотренных русским законодательством XVII в., занимали имущественные (экономические) преступления. Традиционно высокий интерес к ним со стороны законодателя был обусловлен тем, что эти преступления причиняли серьезный ущерб не только отдельным собственникам, но и обществу в целом, поскольку отношения собственности служат фундаментом экономики государства. В нормативных правовых актах первой половины XVII в. наиболее распространенным типом экономических преступлений являлись

преступные посягательства на финансовые интересы государства. Их столь высокая «популярность» в глазах законодателя объяснялась постоянной острой потребностью государства в деньгах, необходимых в первую очередь для решения насущных военно-политических задач, и его естественным стремлением к всемерному пополнению государственной казны за счет налогов, сборов и пошлин и к недопущению под угрозой наказания совершения деяний, наносивших казне «поруху» и «истерю». Подобного рода преступлениями признавались неуплата налогов, сборов и пошлин [13], «неявка» торговцем таможенни-

кам товаров, привезенных на продажу [4], осуществление внешней торговли в Архангельске, минуя таможенную [31], продажа или вывоз за границу соли или других «заповедных» (запрещенных) товаров [5], нарушение правил торговли рыбой [14] и др.

В противодействии фальшивомонетничеству ведущую роль играл Указ не позднее 10 февраля 1637 г. [12] Закрепленные в нем преступления распались на две категории. С одной стороны, это было само фальшивомонетничество, заключавшееся в изготовлении «воровских» маточников (форм для отливки монет) и чеканов (штампелей для выдавливания изображений на поверхности монет) и производстве поддельных денег, например, посредством подмешивания меди в серебро или посеребривания медных денег [19, с. 83–88]. С другой стороны, уголовно противоправными являлись недонесение о фальшивомонетчиках, их укрывательство, а также приобретение в России или за рубежом заведомо «воровских денег» и торговля ими. Совершение всех этих преступлений каралось в принципе одинаково – высшей мерой наказания, хотя «пущие воры» подвергались более жестокой казни. При этом различие в наказаниях предопределялось не способами подделки, а степенью участия виновного в преступлении.

По мнению В. Сокольского, которое разделяют П.А. Баранов и А.Ю. Батрин, ко времени издания рассматриваемого Указа произошло «известного рода изменение взгляда государства на нарушение уставов монетных. Они рассматриваются с одной стороны по-прежнему как подлог и обман, а с другой как *нарушение прибыльной реглации государства*» (курсив автора. – А.Р.). Разумеется, вместе со средоточением в руках государства монетного производства, с установлением правильной (т. е. называемой) «золотничной» пошлины в пользу казны, сия последняя сторона в нарушении уставов монетных должна была приобретать все большее значение. Но нарушение подобных интересов Государя не было у нас смешано с нападением на существо его власти, с оскорблением Величества. Представление о подделке монеты как об оскорблении Величества, как о нападении

на государственную власть в ее существовании, представление, выработанное в Риме и усвоенное в известной степени новыми народами Западной Европы, у нас не существовало. Фальшивый монетчик наносил вред, поруху казне государевой, он обманывал частных лиц, но он не оскорблял Величества, не был противником, супостатом Государя. Государство строго карало нарушителей уставов монетных: 1) «чтоб удобнее и спокойнее получать доход от монетного производства» и 2) «чтоб между людьми не было смуты, чтобы торговые люди не терпели убытков и чтоб серебру не было оскудения» [18, с. 122, 123; 1, с. 9]. Таким образом, по сравнению с первой третью XVI в., объект фальшивомонетничества в рассматриваемый период усложнился и стал включать в себя не только имущественные интересы частных лиц и благосостояние общества, но и финансовые интересы государства.

Что касается преступлений против собственности, то при царе Борисе Годунове разбой стал подразделяться на простой и с отягчающими обстоятельствами (ст. 10 Второй Уставной книги Разбойного приказа 1616/17 г.) [11]. Квалифицированными разновидностями разбоя являлись разбой, сопряженный с убийством или поджогом, и повторный (третий) разбой. По мнению некоторых ученых, подразделяя разбой на совершенный впервые и повторно, закон тем самым «парализует входивший в него прежде признак ремесла» [3, с. 411]. Возможно, данная точка зрения и является правильной, хотя в таком случае полностью стирается грань между разбоем, с одной стороны, и совокупностью грабежа и побоев – с другой. Поэтому позволим себе высказать иное предположение. На наш взгляд, замысел законодателя мог заключаться не в отмене признака преступного профессионализма субъекта разбоя, а во введении нового формального критерия определения ответственности за это преступление. В качестве такового стало выступать такое обстоятельство, как то, сколько раз лицо, ведущее преступный образ жизни, например занимающееся кражами или скупкой-продажей похищенного имущества, лично участвовало в

разбойных нападениях. Законодатель учел тот факт, что, даже будучи членом банды, субъект мог играть в ней второстепенные роли и непосредственно не участвовать в разбойных посягательствах. Поэтому было решено дифференцировать ответственность в зависимости от характера и степени криминальной активности разбойника, максимальным выражением которой является его неоднократное личное участие в разбойных нападениях.

В Уложении 1649 г., крупнейшем памятнике права Московского государства, законодатель, так же как и ранее, много внимания уделял имущественным (экономическим) преступлениям. Они распадалась на три группы.

Одну из них образовывали хищения в форме кражи, грабежа (IX, 3; X, 136 и др.), разбоя, мошенничества, присвоения и растраты (X, 206).

Татьба подразделялась на простую (XXI, 9), «привилегированную» и квалифицированную. К татьбе со смягчающими обстоятельствами Уложение относило похищение естественных продуктов поля (XXI, 89), сада (X, 221), огорода (X, 222), кражу бобров (X, 214), тетеревиного шатра, куропатной сети (X, 217), улья с пчелами (X, 219), ловлю рыбы «татиным обычаем» (XXI, 90). Наиболее опасными же видами кражи являлись повторная татьба (XXI, 10, 12, 90), церковная татьба и татьба, сопряженная с убийством (XXI, 13), в том числе убийством (или ранением) лица, пытавшегося задержать вора (XXI, 89).

Предметом кражи могло быть самое разнообразное имущество, как обозначенное в соответствующих уголовно-правовых нормах, так и не указанное в них: бобры, приспособления для ловли птиц, ульи с пчелами, овощи и др. При этом ценность похищенного, как и ранее, не влияла на квалификацию. По словам Л. Белогриц-Котляревского, «кража по уложению будет налицо и тогда, когда вор крадет вещи и большой стоимости, и тогда, когда он срывает воровски в чужом саду плоды такой ценности, которую нельзя было, может быть, и перевести на деньги. Мы ни в одной статье не встречаем указаний на то, чтобы похищение вещей малой стоимости нару-

шало понятие кражи» [2, с. 26, 27]. В то же время некоторые природные объекты, например хмель (X, 215), лесные материалы (X, 220), пчелы в ульях, мед из подсеченного дуплистого дерева (X, 219), не рассматривались в качестве предмета татьбы, что объяснялось специфическими юридическими воззрениями народа на эти предметы.

Разбой был простым (XXI, 16) и с отягчающими обстоятельствами. Наиболее сурово карались повторный (второй) разбой (XXI, 17, 21), разбой, соединенный с убийством или поджогом (XXI, 18, 21, 38), и разбой, совершенный лихим человеком (XXI, 39, 41 и др.).

С точки зрения наказания Уложение, как и Судебник 1550 г., приравнивало мошенничество к татьбе (XXI, 11). Наряду с общей нормой об ответственности за мошенничество Уложение включало несколько специальных норм, в которых раскрывались его отдельные виды. Законодатель считал необходимым отреагировать, очевидно, на нередко встречавшиеся на практике случаи «мнимого посредничества», когда одно лицо брало у другого деньги или иные вещи якобы для передачи судье в качестве взятки и присваивало их (X, 8), и на ситуацию, при которой злоумышленник, сговорившись с площадными подьячими, составлял заемную кабалу на крупную сумму или «иную какую крепость в большом деле» и обманом заставлял потерпевшего подписать ее (X, 251).

Присвоение имущества выражалось в том, что ювелир, которому заказчик передал «золотое и серебряное дело» для обработки, обращал часть драгоценного металла в свою пользу, а взамен подмешивал в золото или серебро медь, олово или свинец (V, 2).

Другой группой преступлений экономического характера были преступления против установленного государством порядка сбора пошлин за передвижение по стране. Уложение вводило уголовную ответственность за:

- 1) незаконное обложение проезжими пошлинами – «мытом», «перевозом» или «мостовщиной»;
- 2) уклонение от их уплаты.

Наказание постигало прежде всего лиц, вопреки «заказу крепкому» взимавших проезжие сборы с тех, кто был освобожден от них: «с дворян и с детей Боярских и с иноземцов и со всяких служилых людей и с их людей и с запасов и с гонцов, которые посланы будут для Государевых дел» (IX, 1, 2). Брать плату за проезд нельзя было и при перевозе имущества служилого человека не на продажу его холопами или крестьянами (IX, 3). Уголовно противоправным также являлось создание искусственных помех для переправы по льду реки путем скалывания льда у берегов с целью понуждения «служилых и торговых и всяких чинов людей» к проезду по мосту и уплате за это мостовщины (IX, 7).

Преступлениями противоположного свойства были провоз лицом, обладавшим привилегией в сфере передвижения, под своим прикрытием «торговых всяких чинов людей с товары» (IX, 4) и выдача себя за служилого человека для избежания уплаты проезжих пошлин (IX, 5).

Третья группа имущественных (экономических) преступлений охватывала фальшивомонетничество, корчемство, причинение имущественного ущерба путем неуплаты судебных пошлин (X, 126), нерегистрацию купленной лошади (XXI, 52), уничтожение или повреждение чужого имущества (X, 208, 210 и др.), вымогательство, нарушение земельной собственности и продажу служилым людям, идущим в поход, «людских и конских кормов» по завышенной, в сравнении с рыночной, цене (VII, 7).

Фальшивомонетничеством признавалось, с одной стороны, изготовление медных, оловянных или «укладных» (стальных) денег вместо серебряных, а с другой – подмешивание в серебро меди, олова или свинца. Субъектом преступления являлся «денежный мастер», т. е. официальное лицо, занимавшееся чеканкой монеты (V, 1). Иные фальшивомонетки привлекались к ответственности на основании Указа не позднее 10 февраля 1637 г.

Аналогично ранее изданным нормативным правовым актам Уложение запрещало не только торговлю корчемным вином, но и его потребление. При повторном совершении преступления наказания кор-

чемников и питухов усиливались (XXV, 1–3, 6). По мнению А. Чебышева-Дмитриева, в эпоху Уложения произошла смена приоритетов в преследовании корчемства: если раньше его основным объектом считалась общественная нравственность, то теперь на передний план вышли финансовые интересы государства [32, с. 183, 184, 207]. Ряд норм Уложения, в силу бесспорной актуальности данной проблемы, был посвящен определению ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества вследствие пожара. Закон дифференцировал ее с учетом трех факторов: места пожара, наличия или отсутствия вины лица в содеянном и формы вины, когда была доказана виновность лица. Если «запаление» было «безхитростным», «учинилось изволением Божиим», то лицо освобождалось от ответственности вне зависимости от места пожара (X, 223, 225, 226). Если пожар произошел по вине лица в лесу или в поле, то форма вины в принципе не имела значения, хотя в первом случае лицо подвергалось наказанию, а во втором отвечало в гражданско-правовом порядке (X, 223, 224). Иным образом решался вопрос при пожаре в жилом массиве. Если двор сгорел из-за «небережения» постояльца, то он был обязан возместить его стоимость (X, 227). Если же лицо подожгло двор «нарочным делом», «ради вражды или разграбления», то оно подлежало сожжению как зажигальщик (X, 228).

Вымогательство в Уложении описывалось в виде двух казусов. Первый состоял в том, что преступник тем или иным образом принуждал потерпевшего собственноручно «написать в чем-нибудь заемную кабалу» (X, 251). Согласно второму, вымогатель угрожал жертве обратиться в суд с заведомо ложным иском против него на крупную сумму и, запугав невиновного перспективой длительного судебного разбирательства и возможным проигрышем дела, получал от него меньшую сумму в качестве «отступного» (X, 186). Если «вор в таком поклепном деле» был замечен дважды или трижды, то его наказание ужесточалось (X, 187, 188).

Земельными преступлениями являлись нарушение границ земельных владений и

неправомерный захват («отнятие») земли. Уложение, как и Судебники, предусматривало различные наказания за порчу межи на крестьянской земле и на земле Государя, помещика или вотчинника (X, 231, 233). В нормативных правовых актах второй половины XVII в. экономические преступления, как и ранее, занимали ведущее место. Среди них чаще всего встречались такие деяния, как неуплата налогов и сборов [20], сокрытие имущества и доходов от налогообложения [6] и всевозможные нарушения правил осуществления внутренней и внешней торговли и уплаты торговых и таможенных пошлин:

1) торговля в Москве не в «указных» местах [21];

2) продажа хлеба, соли и других товаров по чрезмерно завышенным ценам для получения «болших немерных прибытков» [22];

3) купля-продажа и мена целебного корня ревеня в ущерб монополии государства на торговлю им [23];

4) неподавление товаров на таможене с целью уклонения от уплаты взимаемых с них пошлин [15];

5) указание заниженной цены товаров для уменьшения размера пошлин [16];

6) неуплата пошлин от купли-продажи и мены лошадей [7];

7) продажа иностранцам или за рубеж юфты, льна, пеньки, говяжьего сала [8];

8) контрабандный провоз товаров через границу Московского Государства [24] и др.

Еще одним видом экономических преступлений являлись преступления в сфере денежного обращения, включавшие, помимо фальшивомонетничества, отказ принимать новые деньги в качестве средства платежа [9], хранение медных денег после их отмены [25], обмен в приграничных городах польских медных чехов на русские серебряные деньги с извлечением прибыли [26], контрабандный ввоз в Россию европейской валюты – золотых и ефимков, и ее приобретение приехавшими в Московское Государство для торговли персами (кизылбашами) [17, с. 303–328].

Что касается фальшивомонетничества, то, безусловно, ключевую роль в борьбе с ним играл Указ от 18 сентября 1661 г. [27],

который гораздо детальнее, чем Уложение и Указ не позднее 10 февраля 1637 г., регламентировал ответственность за совершение данного преступления и ряда иных сопряженных с ним деяний. По мнению В. Сокольского, «в этом законе лучше, чем в каком-нибудь другом уголовном узаконении того времени, сознаны законодателем понятия приготовления, покушения и совершения преступления, вернее определен характер участия в совершении преступления, точнее отделены друг от друга различные виды нарушений монетного права Государства» [18, с. 141]. В Указе нашли отражение следующие уголовно наказуемые правонарушения:

1) подделка денег (ст. 1–3, 6 и др.);

2) приготовление к фальшивомонетничеству, заключавшееся, например, в том, что «воры учнут маточники и чеканы покупать или красть, и денги делать хотели, а не делали» (ст. 4, 5, 7);

3) различные формы пособничества фальшивомонетчикам (ст. 11–14);

4) утайка найденных «воровских денег», чеканов или меди для изготовления денег (ст. 16);

5) заведомо ложное, «с хмелю или по недружбе», обвинение в фальшивомонетничестве (ст. 20);

6) освобождение «денежного вора» лицом, его задержавшим, за «выкуп» (ст. 23);

7) отпуск сторожем или приставом фальшивомонетчика из тюрьмы или «из-за пристава» либо его ненадлежащая охрана, повлекшая за собой побег (ст. 24).

Наряду с определением ответственности за фальшивомонетничество и примыкавшие к нему преступления Указ предусматривал наказания за хищение «денежными мастерами» и другими работниками «денежного дела» денег с монетного двора (ст. 17, 18, 25, 26).

Наконец, законодатель, бесспорно, не мог обойти стороной проблему уголовно-правового обеспечения правопорядка в области земельных отношений. Нормативные правовые акты второй половины XVII в., в том числе писцовые наказы, содержали более широкий, нежели имевшийся в Уложении, перечень земельных преступлений. В него входили: порча межи

[28], захват чужой земли или угодья, хищение чужого хлеба или сена [29] и воспрепятствование лица (лиц), чья земля подлежала межеванию, его проведению. Последнее преступление подразделялось на простое и злостное. В первом случае помещик или вотчинник не являлся на межевание и не присылал вместо себя своих крестьян или холопов либо не подавал в срок документы на право владения землей [10]. Квалифицированное воспрепятствование межеванию, фактически перераставшее в преступление против порядка управления, выражалось в насильственном, «многочисленным, бунтом со всяким ружьем» недопущении межевщиков и сопровождавших их лиц – подьячих, служилых людей и понятых – на земельные участки, их избииении или бесчестье, отнятии у них документов [30].

Таким образом, в Уложении 1649 г. и других нормативных правовых актах XVII в. нашли отражение как преступления против собственности (имущества), так и иные экономические преступления. Большое количество уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере экономики со всей очевидностью свидетельствовало о том огромном значении, которое тогдашний законодатель придавал экономической сфере, и о его стремлении обеспечить ее нормальное, отвечающее государственным интересам функционирование.

Список литературы:

- [1] Баранов П.А., Батрин А.Ю. Историко-правовые аспекты борьбы с фальшивомонетничеством. Волгоград, 2008.
- [2] Белогриц-Котляревский Л. О воровстве-краже по русскому праву: историко-догматическое исследование. Киев, 1880.
- [3] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
- [4] Грамота около 1598 г. // Собрание государственных грамот и договоров. М., 1818. Ч. 2. № 69.
- [5] Грамота от 22 января 1624 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1841 (далее – АИ). Т. 3. № 128.
- [6] Грамота от 25 апреля 1678 г. // АИ. Т. 5. № 23.
- [7] Грамота от 24 января 1690 г. // АИ. Т. 5. № 195.
- [8] Грамота от 9 февраля 1662 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической Экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836 (далее – ААЭ). Т. 4. № 130.
- [9] Грамота от 8 апреля 1657 г. // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т. 1. № 204.
- [10] Дополнительные статьи к Писцовому наказу от 25 июля 1680 г. // ПСЗ. Т. 2. № 830.
- [11] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: тексты. Л., 1986. № 80 (далее – ЗА).
- [12] ЗА. № 236.
- [13] Наказ от 30 декабря 1623 г. // АИ. Т. 3. № 127.
- [14] Наказ от 20 сентября 1623 г. // АИ. Т. 3. № 124.
- [15] Наказ от июня 1681 г. // ПСЗ. Т. 2. № 873.
- [16] Наказ от июня 1681 г. // ПСЗ. Т. 2. № 874.
- [17] Новоторговый устав от 22 апреля 1667 г. (ст. 73, 74, 79) // Памятники русского права. М., 1963. Вып. 7.
- [18] Сокольский В. О нарушениях уставов монетных. Киев, 1873.
- [19] Ткаченко А.В. Калужские фальшивомонетчики XVII века // Калуга в шести веках. Калуга, 1997.
- [20] Указ от 21 февраля 1679 г. // ПСЗ. Т. 2. № 750.
- [21] Указ от 4 сентября 1679 г. // ААЭ. Т. 4. № 236.
- [22] Указ от 23 октября 1661 г. // ААЭ. Т. 4. № 126.
- [23] Указ от 21 ноября 1657 г. // ПСЗ. Т. 1. № 215.
- [24] Указ от 28 ноября 1672 г. // ПСЗ. Т. 1. № 536.
- [25] Указ от 26 июня 1663 г. // ПСЗ. Т. 1. № 343.
- [26] Указ от 4 марта 1683 г. // ПСЗ. Т. 2. № 999.
- [27] Указ от 18 сентября 1661 г. // АИ. Т. 4. № 158.
- [28] Указ от 7 июля 1682 г. // ПСЗ. Т. 2. № 938.
- [29] Указ от 16 мая 1680 г. // ПСЗ. Т. 2. № 822.
- [30] Указ от 7 октября 1678 г. // ПСЗ. Т. 2. № 734.
- [31] Указ после 1 июля 1646 г. // ЗА. № 314.

[32] Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862.

Spisok literatury:

[1] Baranov P.A., Batrin A.Yu. Istoriko-pravovy'e aspekty' bor'by' s fal'shivomonetnichestvom. Volgograd, 2008.

[2] Belogric-Kotlyarevskij L. O vorovstvokrazhe po russkomu pravu: istorikodogmaticeskoe issledovanie. Kiev, 1880.

[3] Vladimírskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. M., 2005.

[4] Gramota okolo 1598 g. // Sobranie gosudarstvenny'x gramot i dogovorov. M., 1818. Ch. 2. № 69.

[5] Gramota ot 22 yanvarya 1624 g. // Akty' istoricheskie, sobranny'e i izdanny'e Arxeograficheskoyu Komissieyu. SPb., 1841 (dalee – AI). T. 3. № 128.

[6] Gramota ot 25 aprelya 1678 g. // AI. T. 5. № 23.

[7] Gramota ot 24 yanvarya 1690 g. // AI. T. 5. № 195.

[8] Gramota ot 9 fevralya 1662 g. // Akty', sobranny'e v bibliotekax i arxivax Rossijskoj Imperii Arxeograficheskoyu E'kspedicieyu Imperatorskoj akademii nauk. SPb., 1836 (dalee – AAE'). T. 4. № 130.

[9] Gramota ot 8 aprelya 1657 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, s 1649 goda. SPb., 1830 (dalee – PSZ). T. 1. № 204.

[10] Dopolnitel'ny'e stat'i k Piscovomu nakazu ot 25 iyulya 1680 g. // PSZ. T. 2. № 830.

[11] Zakonodatel'ny'e akty' Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny' XVI – pervoj poloviny' XVII veka: teksty'. L., 1986. № 80 (dalee – ZA).

[12] ZA. № 236.

[13] Nakaz ot 30 dekabrya 1623 g. // AI. T. 3. № 127.

[14] Nakaz ot 20 sentyabrya 1623 g. // AI. T. 3. № 124.

[15] Nakaz ot iyunya 1681 g. // PSZ. T. 2. № 873.

[16] Nakaz ot iyunya 1681 g. // PSZ. T. 2. № 874.

[17] Novotorgovy'j ustav ot 22 aprelya 1667 g. (st. 73, 74, 79) // Pamyatniki russkogo prava. M., 1963. Vy'p. 7.

[18] Sokol'skij V. O narusheniyax ustavov monetny'x. Kiev, 1873.

[19] Tkachenko A.V. Kaluzhskie fal'shivomonetchiki XVII veka // Kaluga v shesti vekax. Kaluga, 1997.

[20] Ukaz ot 21 fevralya 1679 g. // PSZ. T. 2. № 750.

[21] Ukaz ot 4 sentyabrya 1679 g. // AAE'. T. 4. № 236.

[22] Ukaz ot 23 oktyabrya 1661 g. // AAE'. T. 4. № 126.

[23] Ukaz ot 21 noyabrya 1657 g. // PSZ. T. 1. № 215.

[24] Ukaz ot 28 noyabrya 1672 g. // PSZ. T. 1. № 536.

[25] Ukaz ot 26 iyunya 1663 g. // PSZ. T. 1. № 343.

[26] Ukaz ot 4 marta 1683 g. // PSZ. T. 2. № 999.

[27] Ukaz ot 18 sentyabrya 1661 g. // AI. T. 4. № 158.

[28] Ukaz ot 7 iyulya 1682 g. // PSZ. T. 2. № 938.

[29] Ukaz ot 16 maya 1680 g. // PSZ. T. 2. № 822.

[30] Ukaz ot 7 oktyabrya 1678 g. // PSZ. T. 2. № 734.

[31] Ukaz posle 1 iyulya 1646 g. // ZA. № 314.

[32] Cheby'shev-Dmitriev A. O prestupnom dejstvii po russkomu dopetrovskomu pravu. Kazan', 1862.

